

СЕКЦИЯ 2. КОСТРОМСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Сизинцева Л. И.,
кандидат культурологии,
доцент КТУ

ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нам предстоит рассмотреть музейную деятельность в регионе с точки зрения изменяющейся системы ценностей, но прежде необходимо выяснить, в чем состоит ее своеобразие в ряду других видов деятельности. Поиск ответа на этот вопрос неизбежно приводит нас к проблеме предмета музееведения как науки.

Как известно, единства в решении этой проблемы нет. В советском музееведении преобладал институциональный подход. Строго говоря, на той же точке зрения стоит и Международный совет музеев, считающий музееведение наукой о музее¹. Вероятно, именно поэтому многие попытки определения предмета музееведения строятся по принципу отрицания; К. Шрайнер начинал свое определение словами: “Предмет музееведения – не музей, потому что речь идет об учреждении, предназначенном выполнять музейную работу...”, он “не должен рассматриваться как часть предмета доминирующей отраслевой научной дисциплины” и так далее².

“Предметом музееведения не может быть музей, – декларирует чешский исследователь З. Странски, объясняя это тем, что музей – лишь исторически преходящая форма специфического отношения человека

---

1 Gluzinski W. U podstaw museologii. -Warszawa, 1980. s.65. Музееведение. Музеи мира. М., 1991. С.12; Разгон А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран (музееведение как научная дисциплина). М., 1984. (Музейное дело и охрана памятников: Обзорная информация. Вып.1).

2 Музееведение. Музеи мира. М., 1991. С. 43.

к действительности, которую он называет «музеальностью»³. Суть ее “проявляется в стремлении к приобретению и сохранению, несмотря на естественную тенденцию изменения и исчезновения истинных ценностей, сохранение и использование которых создает и умножает гуманистический и культурный облик человека”⁴.

Преодоление времени во имя культуры, – в этом же видит смысл музейного отношения к действительности словацкая исследовательница А. Грегорова, которая вводит понятие “*троймернозначности действительности*”, как “*усилии, подтверждающем континуальность самого исторического развития общества (и природы) для потребности настоящего времени (современности) и будущего*”⁵. В ее концепции музейное отношение к действительности является “себя-проекцией”, то есть самопознанием и самовыражением человека⁶, познанием его места в истории общества и природы.

К. Шрайнер, критикуя “музейность” как предмет музееведения, справедливо отмечает, что “музейность” не присуща предметам имманентно, “не существует ценностей самих по себе, ценности возникают”⁷. Однако и определение предмета, данное Шрайнером, тоже не может удовлетворить: оно сводит все к процессу сбора, хранения, изучения и использования музейных объектов. Если убрать определение объектов как “музейных”, оно может быть отнесено к любому складу, в сем же состоит “музейность” – в принадлежности музейному собранию? – вопрос остается непроясненным, поскольку предметы, хранившиеся на складе Мюра-Мерлиза в 1910-х гг. тоже при определенных условиях могут оказаться частью движимого культурного наследия, – но при каких именно?...

Приходится констатировать, что специфика музейной деятельности остается пока непроявленной, но характерно признание, что необходимо: “*научно толковать это специфическое отношение человека к действительности и привести нас к познанию музейности в ее исторической и общественной взаимосвязи,*” – более того, З. Странски считает это исторической миссией⁸.

---

3 Там же. С. 18, 19.

4 Там же. С. 18, 19.

5 Там же. С. 29.

6 Там же. С. 29.

7 Там же. С. 29

8 Там же. С. 19.

Изучение конкретных свидетельств о проявлениях музейного отношения к предметному миру на территории Костромской губернии позволило сделать вывод, что еще **до создания музеев**, как социальных институтов, различные элементы музейной деятельности здесь имели место. Кроме

1. осознания значения предмета, выявлены действия, направленные
2. на сохранение предмета,
3. фиксация словесной и изобразительной информации о нем,
4. последовательное собирание предметов, подчиненное определенной концепции,
5. составление охранной документации и
6. демонстрация предметов.

Сегодня теоретические споры о природе музейного отношения к действительности смолкли, они вытеснены прагматическими поисками в области музейного проектирования, как способа привлечения публики в музей. Между тем, как известно, нет ничего практичнее хорошей теории, и, может быть, размышления о природе музейной деятельности, построенные на изучении ее истории, поможет музею выжить в нынешних непростых условиях. Особенно остро проходит в регионах процесс размежевания государственных музеев с церковными институтами.

Протомузейная деятельность

Между тем наиболее ранние формы музейной деятельности на территории Костромского края связаны именно с церковной жизнью. Это объясняется, с одной стороны, логикой развития региона, северо-восточную часть которого входила в состав так называемой «Северной Фиваиды» а с другой - самим характером христианства, которое, по словам М. Блока, *“по сути своей религия историческая”*⁹. Кроме того, именно в восточные уезды губернии бежали с XVII в. Старообрядцы, унося с собою предметы «дони-коновского» обихода, в первую очередь церковного.

Сложность их исследования состоит в том, что источники не позволяют ответить на самый важный в нашем случае вопрос: когда именно отношение к предмету, имеющему сакральную, утилитарную, материальную ценность, перерастает в отношении музейное, абстрагированное от меркантильных значений. Дело в том, что информация о предметах раннего происхождения передавалась изустно, а сами предметы на протяжении нескольких десятилетий XX века целенаправленно уничтожались, а потому

9 Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1986. С. 20.

проверить легенды при помощи современных методов уже невозможно, равно как и локализовать во времени перемену в отношении к вещам.

Монастыри

Помещению предмета в музейные фонды предшествует несколько этапов работы с ним. Первый и самый важный – сохранение вещи, памятного предмета. Так с XVI до начала XX века в Тихоновой Луховской пустыни сохранялись поставец, два ковша работы основателя пустыни, преподобного Тихона Луховского, смерть которого житие относит к 1503 году¹⁰, принадлежавшие ему, по преданию; вериги и сама келья, сруб который в XIX веке был перенесен из уединенной пустыньки в стены монастыря¹¹. В этом случае словесная фиксация предания в печатном издании (т.е. второй этап) относится к началу XX века и связан с юбилеем основателя монастыря, фотоснимок (фиксация изображения) – к 1909 году¹², – что можно считать третьим этапом дом узейной работы с предметом. После закрытия монастыря все это было утрачено, но опубликованная информация сохранилась и доступна для специалистов.

Эти этапы соотносимы с операциями, которые производятся в современных музеях, – научных комплектованием, описанием предметов и их фотофиксацией, которая в нынешней фондовой работе предваряет работу с вещью, на рубеже XIX/XX вв. часто заменяла ее. У нас нет данных, насколько доступны были реликвии *для осмотра* до середины XIX века, но сам перенос кельи преп. Тихона в монастырь указывает на желание облегчить осмотр мемориальной постройки для лиц, не принадлежавших к числу насельников монастыря.

К концу XVI века относятся вклады различных представителей семьи Годуновых в Ипатьевский монастырь, атрибуция многих из них не вызывает сомнений, поскольку вещи сохранили вкладные надписи¹³. В XVII веке в Авраамиевом монастыре сохраняются вклады Ивана Шуйского, но наибольшее внимание современников привлекли свидетельства о пребывании

10 Жития святых: 1000 лет русской святости / Сост. инок. Таисия. Изд. 2-е испр. и доп.: Сергиев Посад, 1991. С. 279.

11 См.: Илинский П. Краткий исторический очерк Луховской Тихоновой пустыни // Костромские епархиальные ведомости. 1903. № 8. Неоф. часть. С. 243–245.

12 Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Далее — КГИАиХМЗ). КОК 7857. КОК 7858. КОК 7862. КОК 7863.

13 КГИАиХМЗ. КОК 9621. КОК 8362. КОК 8359. КОК 9617. КОК 9618. КОК 9619. КОК 8656 и др.

на костромской земле Михаила Федоровича Романова, в 1613 году призванного на царство из стен Ипатьевского монастыря, а в 1619 году совершившего паломничество в Макариево-Унженский монастырь.

Эти предметы сохранились не только с точки зрения их богослужебного использования, но и как мемориальные вещи, документирующие связь обитатели (или, в других случаях – храмов) с представителями знатных или влиятельных семей. То же можно сказать и об Ипатьевском монастыре, бережно хранившем годуновские и романовские вклады, а также памятные вещи московского посольства 1613 года – слюдяной фонарь и запрестольный крест.

В 1834 г. палаты посетил Николай I, бывший в Костроме проездом в октябре. По возвращении в Москву он отдал распоряжение о передаче в ризницу серебряного ковша и посоха черного дерева, пополнив таким вкладом мемориальную коллекцию¹⁴. Здесь мы сталкиваемся уже с последовательным сознательным тематическим формированием собрания, хотя ни палаты, ни ризницу еще нельзя назвать таковыми.

Епархия

Создание в 1744 Костромской епархии было связано с распространением раскола («противники умножились»). Для музейной деятельности это имело, как минимум, два последствия: появление на Костромской земле просвещенных иерархов и устройство костромской духовной семинарии, которая стала центром распространения европейской культуры восходившей к колонизированной Киево-Могилянской духовной академии. Там практиковалось изучение древних, а с начала XIX века и новых языков, усвоение основ поэтики, приобщение к наукам и искусствам¹⁵. Большое внимание уделялось историческим дисциплинам, исследовательской работе; епископы, во второй половине XVIII века лично опекавшие семинарию, по выражению М. Я. Диева сообщали “ученую ревность” воспитанникам и преподавателям: Симон (Лагов), один из владык, “кого... видел к тому способным, тем он делал ученые препоручения, со всем радушием снабжал их

---

14 Там же. С. 56, 66.

15 Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее - ОР РНБ). Тит. 4021. С. 60–91; Тит. 4013. С. 153 и далее.

наставлениями и материалами”¹⁶. По его поручению в 1770-х гг. начались работы над историей Костромской епархии и отдельных монастырей.

При такой постановке дела уже первые выпускники семинарии достигли высших ученых степеней – И. Красовский и И. Сидоровский, не заканчивая более иных учебных заведений, были избраны членами Российской Академии наук¹⁷. Эта традиция ученых занятий позже была продолжена: среди выпускников семинарии много ученых, философов, археологов, знатоков древностей – Ф. А. Голубинский, А. В. Горский, Порфирий (Успенский), Е. Е. Голубинский, Н. В. Покровский и другие.

Семинария, поощряемая епископами, дала замечательную исследовательскую школу, представители которой, начиная с 1770-х гг. и до начала XX в. служили как местной, так и столичной науке.

Упоминание о наиболее ценных предметах содержится уже в многочисленных опубликованных и неопубликованных «описаниях» монастырей и храмов Костромской епархии, которые стали составляться, начиная с 1770-х гг., но особенно активно публиковались в 1830-х гг.¹⁸, что было связано с распространением интереса к историческим изысканиям и к коллекционированию.

М. Я. Диев в письме к И. М. Снегирёву от 4 июня 1831 г. писал о владыке Павле (Подлипском): *«Его преосвященство в бумагах, обреченных на истление, нашел много редкостей, особенно в своем Ипатьевском монастыре, в коем Костромские иерархи имеют пребывание»*²³. Этому владыке

---

16 ОР РНБ. Тит. 4015. С. 86–87.

17 Титов А. Материалы для библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии... М., 1892.

18 Павел (Подлипский). Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832; Его же. Описание Макариева Унженского Костромской епархии третьеклассного монастыря. М., 1835; Его же. Описание Луховского Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря. М., 1835; Афанасий (Дроздов). Исторические известия о Костромском второклассном Божоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837. – вышли анонимно, авторство установлено по словарю М. Я. Диева “Ученые деятели костромского вертограда” См.: Титов А. А. Материалы для библиографического словаря. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. М., 1892. См. также: Диев М. Я. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858; Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого-Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861; Островский П. Ф. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870.

можно достоверно приписать как минимум, три из анонимных описаний костромских обителей.

Он же начал собирать и собственные коллекции, библиотеку и архив.

Однако ряд документов свидетельствует и *об утратах церковных древностей, связанных с расколом*. Борьба со старообрядцами началась на рубеже XVII–XVIII веков, но особенно последовательной она стала с момента учреждения Костромской епархии, с 1744 года.

В 1760 г. Дамаскин, епископ Костромской и Галичский, издал “Инструкцию, по которой в смотреении церковного благочиния поступать”, которой предписывалось выявить старопечатные богослужебные книги и, описав, прислать в консисторию, созданную при епископе для ведения дел¹⁹. Там же содержалось строгое предписание удалять из храмов ветхие иконы со значительными утратами красочного слоя (проверив, “сыкон лики не послиняли ль”), а также образа с двуперстием, (“к раскольническому умствованияю двоеперстным креста сложением”)²⁰. Это свидетельствует о том, что, несмотря на длительную борьбу с расколом, древние иконы все же сохранялись в храмах костромской глубинки, равно как и старопечатные книги.

Это объяснялось не столько приверженностью к расколу (старообрядцы к тому времени избегали посещений никонианских храмов), сколько удаленностью от епархиального начальства и тем, что книги и иконы стали систематически обновляться и централизованно распространяться лишь в середине XVIII века, большая часть их и сегодня остается в обиходе храмов Костромской епархии, которым удалось продолжать службы в годы воинствующего атеизма.

Долгую и безуспешную войну вело епархиальное начальство с резными изображениями в храмах. При этом речь шла не столько о любых объемных скульптурах, объявленных неканоничными, сколько о работах местных мастеров, “весьма неискусною работою устроенных”, тогда как “для распятий, искусною работою учиненных и иных штукаторных и на высоких местах поставленных кунштов²¹”²² делалось исключение. Это говорит о насильном внедрении европейской барочной традиции в противовес местной резьбе, восходившей к иконописным канонам.

---

19 Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 31. Оп. I. Д. 2. Л. 12, об.

20 Там же. Л. 15.

21 Куншт – предмет декоративно-прикладного искусства (прим. ред.)

22 Там же. Л. 44 об; См. также: ГАКО р. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

Выявленные во время проверок резные иконы предписывалось “из помянутых церковей выносить и поставить в удобных местах, где прилично” – таким образом даже предметы, признанные неприемлемыми для помещения в интерьере действующих церковей, но уже освященные, сохранялись даже будучи изъятыми из употребления. Возникает парадоксальная ситуация: вещь изъята из употребления, она сохраняется, но мотив этих действий далек от музейной деятельности; сохранение здесь не цель, не мотив, а альтернатива уничтожению, для которого не нашлось приемлемой формы.

Тем не менее, объективно эти меры позволили сохранить до нашего времени значительное число образцов народной резной скульптуры. На рубеже XIX / XX столетий она была осознана как памятник ушедшей культуры: началось ее выявление, проведена фотофиксация представителями Костромской ученой архивной комиссии²³. Некоторые скульптуры попали непосредственно из храмов при их закрытии в собрание костромского музея, где сохраняются до сих пор²⁴. Их искусствоведческое и историко-культурное исследование и осмысление еще впереди, потенциал предметов остается нераскрытым.

Таким образом, *официальная церковь играла в сохранении древностей двоякую роль*: способствуя сохранению предметов, она последовательно изымала из обихода некоторые из них, не соответствовавшие художественным вкусам новых поколений духовенства, в ходе обучения в семинарии переориентированных на европейскую систему культурных ценностей, включая сюда ориентацию на “большой стиль” – барокко, а затем классицизм. Однако и древние книги и иконы сохранялись, если они не противоречили требованиям, выдвинутым в ходе Никоновской реформы. Эти две тенденции – сохранение древностей и стремление следовать художественной моде – в течение долгого времени уживалась в церковном обиходе.

Между тем заботу о сохранении “отреченных” древностей взяли на себя старообрядцы. Вероятно, первоначально их интерес к иконам дониковского письма, к старопечатным книгам определялся принципиальными

---

23 КГИАНХМЗ. КОК 9275. КОК 8092. КОК 9143. КОК 8093. КОК 7741. КОК 7919. КОК 8781. КОК 9153. КОК 90147. КОК 9148. КОК 9155 и др.

24 Костромской областной музей изобразительный искусств. Русское дореволюционное искусство. Каталог. Л. 1980. С. 20–23.

разногласиями с официальной церковью. Однако позже, по точному замечанию Г. И. Вздорнова, для различения старых и новых образцов *“иконники и любители старины в старообрядческих общинах выработали такие стилистические и технические признаки, которыми они пользовались для определения икон по месту и времени происхождения”*²⁵. Если учитывать лишь следование древним канонам, то старые и новые иконы, написанные в соответствии с ними, равноценны. В старых образах ценили, кроме того, *“намоленность”*, освещенность молитвами поколений, – новое качество, возникающее в ходе богослужебного использования. Оно лежало в русле использования вещи в соответствии с ее первоначальным назначением, было по-своему *“прагматично”*.

Смещение в другую плоскость, плоскость музейного отношения, началось, когда, изучая манеру письма, его *“тонкость”*, мастерство иконописца, знатоки стали ценить художественные достоинства образов, их причастность к истории старообрядчества, принадлежность определенной семье.

Таким знатоком и неумолимым собирателем древних икон был уроженец с. Писцова Нерехтского у. Костромской губ., основатель Преображенского кладбища в Москве, И. А. Ковылин (1731–1809)²⁶. Если он приобрел известность в таком качестве уже в Москве, то другой представитель Федосеевского согласия, Н. А. Папулин, слывший *“едва ли не главным собирателем и торговцем древними иконами”*²⁷, всю свою жизнь прожил в родном Судиславле, заштатном городе Костромского уезда, много жертвовал на благотворительные дела²⁸, благодаря чему власти закрывали глаза на нарушение закона, направленного против старообрядцев²⁹.

Долгое время попытки привлечь Н. А. Папулина к судебной ответственности оказывались безуспешными, но в 1846 г. состоялся арест, принадлежавшая ему богадельня, на деле оказавшаяся старообрядческим монастырем на окраине Судиславля, была опечатана, причем было найдено значительное количество старопечатных и рукописных книг, древние ико-

---

25 Вздорнов Г. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 61.

26 Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание села Писцова (Нерехтского уезда Костромской губернии). М., 1901. С. 2–3.

27 Вздорнов Г. История открытия и изучения... С.63.

28 См. например: Костромские губернские ведомости (далее – КГВ). 1842. № II. Часть офиц. С. 82–83; № 43. С. 344.

29 См. напр.: ГАКО. Ф.133. Оп. 4. Д. 8849. Л. 4–9.

ны и различные предметы, используемые при богослужении³⁰. Приказ общественного призрения, к которому переходило здание богадельни, положило передать такого рода имущество костромской духовной консистории, *“которая может или раздать их по своему усмотрению для употребления при монастырях или церквях единоверческих, или уничтожить вовсе, как могущие быть употребляема токмо по обрядам староверческим”*³¹.

Удалось найти список книг, старопечатных и рукописных, поступивших в консисторию *“при указе от 30 сентября 1847 г. от сектанта Папулина”*, среди них упомянута и Библия острожской печати³². На списке – пометка: *“для хранения в ризнице Ипатьевского монастыря”*.

Сведений о том, насколько было распространено в первой половине века среди старообрядцев знаточество, изучение художественных особенностей икон и других древних предметов, а также коллекционирование обнаружить не удалось. Очень опасно относить механически к первой половине XIX в. те сведения о коллекционировании в старообрядческой среде, которые имеются по началу XX в. Однако можно предположить, что в случае с Н. А. Папулиным (а, возможно, и с Ковылиным) его отношение к древностям приобрело новое качество именно потому, что он оказался на перекрестке культур.

Будучи судиславским купцом, Н. А. Папулин был своим в кружке П. Н. Колюпанова, известного костромского масона, служащего Костромского приказа общественного призрения. В него входили директор Костромской гимназии, друг А. С. Пушкина, Ю. Н. Бартенев, ссыльный архитектор П. Фурсов, автор проектов многих построек как в центре г. Костромы, так и в различных усадьбах губернии, ректор семинарии, архимандрит Афанасий, *“один из самых умных, – по отзыву одного из современников, – и ученых наших иерархов, замечательный лингвист, хорошо в то время знакомый с немецкою философией”*³³.

Конечно, фигура купца-старообрядца на фоне других участников кружка казалась экзотической. Сын хозяина дома, впоследствии известный пу-

30 См.: Жемчужников В. Записки // Вестник Европы. СПб., 1899. Кн.2. Февраль. С. 657–600; Колюпанов Н. П. Из прошлого // Русское обозрение. 1895. № 1. С. 251–252; ГАКО. Ф. 134. Оп. 7, 2-й стол, 5-й отдел. Д. 12 (1843). Л. 38 и др. См также: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 13 (1845). Д. 30.

31 РГИА. Ф. 1287. Оп. 13 (1845). Д. 30. Л. 9.

32 ГАКО. Ф. 712. Оп. 3. Д. 190. Л. 1.

33 Колюпанов Н. П. Из прошлого // Русское обозрение. М., 1895. № 1. С. 250–252.

блицист и земский деятель, Н. П. Колюпанов, вспоминал, как он удивлялся в детстве, *“отчего этот старик в грубой серой или синей поддевке, зимой в валеных, а летом в смазных сапогах, преважно расслаживается в гостиной, тогда как все остальные стоят в передней”*³⁴.

Как мы увидим позже, в это время в кругу образованных людей самых различных социальных групп страсть к коллекционированию была одной из неотъемлемых черт “человек культуры”, и упомянутый архимандрит Афанасий сам был большим знатоком и любителем древностей. Поэтому можно предположить, что именно здесь Папулиным могло быть усвоено особое, музейное по природе своей, отношение к предметному миру и “привито к дереву” старообрядческой культуры, изначально ориентированной на сохранение древностей как образцов “истинной”, дониконовской поры.

Не только храм, монастырь или старообрядческая моленная оказывались местом, где подспудно, осознанно или неосознанно формировался особый предметный микромир, в котором позже обнаружатся развитые формы музейной деятельности.

Занятия историей церкви определили и своеобразное направление в коллекционировании. Так, в коллекции архимандрита Афанасия, ректора семинарии (он упоминался выше как член кружка П. Н. Колюпанова, куда одновременно входил Н. А. Папулин), преобладали грамоты, жалованные монастырям, а также церковные древности: *“Особенно любопытно было мне видеть, – сообщал М. Я. Диев своему адресату, профессору Московского университета И. М. Снегиреву, – старинные наши антиминсы, один Московского Митрополита Афанасия (XVI века), а другой патриарха Гермогена. Эти лоскутки холста в длину и ширину около 4 вершков, на них нет никаких святых изображений кроме надписи; на одном только пером изображен св. крест”*³⁵. Характерно, что коллекционеров интересовали не только сами вещи, но и сведения о характере использования предметов: *“О. ректор сказывал, что они хранились в ящиках, сделанных для сего в одном из столбиков, поддерживавших св. престол”*³⁶.

И рукописи, и предметы церковного обихода могли использоваться как источники в процессе исторических исследований. Так, М.Я. Диев,

---

34 Там же.

35 ОР РНБ. Тит. 4001. Л. 291.

36 Там же.

составляя словарь писателей Костромского края, благодарит С. Кострова: “Ваша рукопись об Абрамии доставила мне сочинителя оной инока Пафнутия”³⁷. Составляя рецензию на труд И. Арсеньева об Успенском соборе г. Костромы, М. Я. Диев анализирует вклады, сделанные в монастырь известными в истории России лицами, что позволяет ему датировать основание Крестовоздвиженского монастыря более точно, нежели его предшественнику³⁸.

Таким образом, для периода, предшествовавшего созданию музеев, в Костромской губернии оказались характерными внеинституциональные формы музейного отношения к природному и предметному миру. Объектом такого отношения становились вещи, архитектурные и природные комплексы, в которых оказались опредмеченными представления о мире, культурные потребности конкретных людей. Процесс опредмечивания мог быть сознательным актом создания артефакта, адресованного будущему (например, фамильная портретная галерея), или просто реализацией чьей-то культурной потребности, имеющей внутренний, личностный смысл (вериги преподобного Тихона Луховского не предназначались посторонним, не были знаком, - но они имели внутренний смысл).

Музейное отношение строилось на том, что отношение к человеку, событию, времени переносилось с целого - на часть, способную сохраняться во времени. В нашем случае часть (вериги, блюдо и поставец, изготовленные руками преподобного), вещь замещала человека, событие, эпоху. Не будучи создана часто как знак, наделялась значением теми, кто понимал необходимость ее сохранения - для себя, для рода, для других человеческих сообществ, в зависимости от значения человека, события, времени. Момент распредмечивания, то есть раскрытия внутренней логики создания и бытования вещи, может быть значительно удален во времени от момента опредмечивания. Чем короче эта временная дистанция, тем больше возможностей для сохранения предмета.

Однако отношение, перенесенное с части на целое, могло быть различным: отрицательным, положительным, безразличным. Первое приводило к уничтожению вещей, последнее – давало ей возможность сохраниться, но только второе, предполагающее сознательное сохранение материальных свидетельств, мы можем считать музейным отношением.

---

37 ОР РИБ. Тит. 4666. Л. 82.

38 ОР РИБ. Тит. 4002. Л. 203.

1. Оно всегда начинается осознанием значения этого предмета, даже если сохранить его не представляется возможным. Это как бы музейная деятельность, протекающая в области идеального, в человеческом сознании. В современной музейной практике этому этапу соответствует выделение в мире объектов предметов музейного значения.

2. Действия, направленные на сохранение предмета. Это может быть отказ от использования предмета по его первоначальному назначению, изъятие его из среды, – но возможны и меры по сохранению его в обиходе, особый режим хранения, меры предосторожности и т.д.

3. Фиксация словесной информации о предмете, возможно – ее публикация в печати. Это позволяет передать информацию о предмете последующим поколениям, расширить круг людей, знакомых с его значением, ввести его в исследовательский оборот.

4. Фиксация внешнего вида вещи, которая обычно свидетельствует о том, что она признана источником сведений, необходимых для ее исследования, сопоставления с аналогичными ей. Практикуется, как правило, когда приобретение вещи по какой-нибудь причине не представляется возможным.

1. Коллекционирование – целенаправленное собирание вещей, подчиненное определенной осознанной или неосознанной программе.

2. Составление охранной документации – списков, описей, каталогов.

3. Демонстрация предметов.

4. Восприятие предметов.

В условиях отсутствия музея, как учреждения, где каждый из этих этапов воспринимается, в зависимости от уровня разделения труда, как действие или операция, в домусейный период это может превратиться в самостоятельную деятельность разных людей, живших в разное время и часто не знавших друг друга. Совсем не обязательно эти действия составляют полную и непрерывную цепочку, можно представить себе ситуацию, когда все ограничивается осознанием значения предмета, или отсутствуют несколько моментов, – например, фиксация внешнего вида, или составление охранной документации, или даже демонстрация предметов: даже если коллекционер собирает “для себя” как скупой рыцарь, все равно это остается музейной деятельностью.

Как правило, сама деятельность и является главным мотивом, она не сопровождается дополнительным поощрением, являясь стимулом сама по себе. Сам субъект ее в таком случае определяет объект, средства и условия деятельности, получая удовлетворение, – то есть такую деятельность следует признать органичной, неотчужденной. Но именно это обстоятельство иногда приводит к тому, что деятельность, замкнутая на одном человеке, утрачивает всякое значение с его смертью, после чего следует утрата собрания.

Костромская губернская учёная архивная комиссия (КГАУК)

Областные археологические съезды собирали краеведов и любителей древностей из губерний, расположенных на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества – из Ярославля, Костромы, Владимира, Нижнего Новгорода, Твери, а также из Москвы и Петербурга. Столичные специалисты обследовали местные памятники, провинциальные деятели сообщали о своих исследованиях. Как правило, к съездам готовились совместные выставки.

К IV Областному съезду выставки были подготовлены причтами двух древних костромских монастырей, Богоявленского и Ипатьевского. Выставку в Богоявленском трудно было назвать настоящей выставкой: предметы были собраны в Никольском храме середины XVIII века и просто разложены для обозрения. Было представлено около 20 предметов богослужебного характера (исключение составляли лишь оплечья – вклад князя Дм. Мих. Пожарского 1613 года), несколько древних богослужебных книг и рукописей³⁹.

В Ипатьевском монастыре были осмотрены все наиболее древние постройки, фрески Троицкого собора (объяснения давал выпускник Костромской семинарии, профессор Петербургского археологического института Н. В. Покровский), а также «старая ризница», и выставка церковных древностей, специально к съезду устроенная в Богородице-Рождественской церкви. В «Известиях» съезда было отмечено, что «в настоящее время он (Ипатьевский монастырь – Л. С.) представляет собою церковно-археологический музей», а по окончании обзора был сделан вывод: «Собрание древ-

---

39 См.: Известия IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме. Кострома, 1913. № 4. С. 3.

ностей Ипатьевского монастыря принадлежит к числу самых крупных в России»⁴⁰.

Обзору монастыря было посвящено два дня: первый был посвящен специальным вопросам, начат докладом Н. В. Покровского, а обзор монастыря был одновременно иллюстрацией доклада и коллективным исследованием объектов участниками заседания. Они искали аналогии, пытались отнести иконы и фрески к той или иной художественной школе.

Во второй день, когда давали пояснение организаторы выставки, – Н. В. Баженов, В. Г. Чекан, ризничий, иеромонах Макарий⁴¹, публика была более демократичной. Знатоки – старообрядцы пристально рассматривали иконы, а некоторые из публики **«нестеснительно возлагали на себя крестное знамение и даже лобызали с благоговением столь достопамятные честные иконы»⁴²**. Несмотря на умиление автора описания, его «нестеснительно» и «даже» указывают, что эти действия, естественные в храме, воспринимались уже как отступление от модели поведения посетителя выставки.

При устройстве выставки в храме Рождества Богородицы, в отличие от обычного показа ризничных вещей, было использовано специальное оборудование – столы, витрины, часть которых была размещена прямо на столпах. Для наиболее древних икон параллельно иконостасу действующей церкви, были устроены тьябла⁴³, но они располагались перед солеей при первом ряде колонн во всю ширину помещения, и были именно специальным оборудованием максимально приближающим восприятие предметов к восприятию их в среде бытования. Традиционная структура иконостаса была нарушена, здесь же показывались и реликвии, сохранившиеся от московского посольства 1613 года⁴⁴.

В основу структуры выставки был положен систематический принцип показа, внутри экспозиционного ряда применялся хронологический принцип, а также было принято разделение по территориальной принадлежности, - отдельно показывались древности Костромских храмов и мо-

40 Там же. № 3. С. 4, 7.

41 См.: ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 14 (микрофильм). Л. 48.

42 Там же. Л. 49. Известия IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме. Кострома, 1913. № 5. С. 2–3.

43 Тьябло. Горизонтально расположенный деревянный брус, на который устанавливаются иконы в иконостасе (прим. ред.).

44 См. там же.

настырей, отдельно - присланные из уездов. Все это говорит о стремлении к логической организации предметов, подчиненной системе, принятой в “профильной” науке о древностях – археологии.

Посещение Романовских палат упоминается составителями дневника съезда, но описание интерьера не приводится, – видимо, он мало изменился по сравнению с серединой XIX века. Между тем именно палаты стали местом, где в 1913 году была развернута экспозиция древнехранилища церковно-исторического общества, что и завершило музеефикацию этого исторического здания.

Вероятно, именно успех выставки 1909 г. послужил толчком к созданию *древнехранилища*. Слухи об этом стали распространяться уже в начале следующего, 1910 года. В марте одна из газет сообщала: “*Мы слышали, что местный преосвященный предполагает сосредоточить в ризнице Ипатьевского монастыря все имеющиеся какой-либо археологический интерес церковные древности*”⁴⁵. Специально для создания музея было образовано в 1911 г. *Костромское церковно-историческое общество*, в первом же параграфе которого было записано, что задачей его будет “*Обследование, сохранение и собирание памятников местной церковной древности и истории*”, для чего предполагалось проведение выставок и создание церковно-археологического музея⁴⁶. Именно этому, как показала дальнейшая история общества, и были подчинены все действия его членов, большинство из которых были преподавателями Костромской духовной семинарии⁴⁷.

Параллельно с созданием древнехранилища велась подготовка к открытию в отдельном специально построенном здании музея КГУАК, которое было приурочено к торжествам 1913 года, к празднованию 300-летнего юбилея дома Романовых. Несмотря на то, что почти все члены церковно-исторического общества одновременно состояли *в КГУАК, между комиссией и обществом была заметна определенная конкуренция*. Распоряжением консистории было запрещено настоятелям храмов и монастырей передавать церковные древности каким-либо собирателям, “*если они не имеют на то разрешения от Совета Церковно-исторического общества*”⁴⁸. В сборе

---

45 Новый музей // Костромская жизнь. 1910. № 3. 6 марта.

46 Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за время от его открытия 3 июня 1912 года до января 1914 года. Кострома, 1914.

47 Там же. С. 19.

48 Там же. С. 19.

предметов для древнехранилища, напротив, не возникало никаких препятствий. Показательна история с потиром XVI века из Спасо-Преображенской церкви г. Кинешмы. На распоряжение прислать его в Общество, настоятель отвечал, что в дни Великого поста, когда бывает много причастников, без этого потира не обойтись.

Владыка Тихон наложил резолюцию : *“Надо прийти бы на помощь причту в приобретении для церкви нового потира: нет ли в каком-либо монастыре излишнего?”* – после чего новая чаша больших размеров была доставлена в Кинешму из Макариево-Унженского монастыря, а кинешемский потир занял свое место в собрании епархиального музея⁴⁹. Это позволяет рассматривать древнехранилище как ведомственный музей Костромской епархии. Вещи, попадавшие в него, практически не меняли хозяина, – и одновременно становились доступными для осмотра и изучения сторонними специалистами и простыми посетителями. Специально для размещения древнехранилища архиерейскому дому из дворцового ведомства были переданы Романовские палаты. Это здание было единственным на территории монастыря, не использовавшимся в утилитарных целях, к этому времени оно уже стало привычным объектом показа, а здание Борогодицерождественской церкви нельзя было использовать для размещения постоянной экспозиции, в отличие от выставки: оно было необходимо для зимних служб.

Устройством древнехранилища занимались те же люди, что и устройством выставки 1909 г.: И. В. Баженов, В. Г. Чекан, иеромонах Макарий. На этот раз к ним присоединились выпускники Петербургского археологического института Н. Малиновский и М. Раевский, преподававшие в различных учебных заведениях Костромы. Практически все повторяло выставку 1909 г.: принцип организации экспозиции (системный), даже предметы практически были те же. **Был опубликован каталог, в предисловии к которому И. В. Баженов отмечал, что были допущены отступления от “предметной группировки”**⁵⁰, – это было уступкой обстоятельствам, поскольку помещения старых келий были очень тесными. Даже принцип размещения предметов, использованный в 1909 г. был повторен: те же тьябла для икон, только приспособленные к меньшим размерам помещения. Ката-

49 Там же. С. 19.

50 Каталог церковных и других предметов древности, находящихся в древнехранилище Костромского церковно-исторического общества в покоях Михаила Федоровича Романова, что в Ипатьевском монастыре. Кострома, 1914. С. 5.

лог отражает реальный порядок расположения предметов и в этом смысле соответствует современным позальным описаниям. Он позволяет сделать заключение о том, что от хронологической организации внутри предметных рядов пришлось отказаться из-за желания добиться композиционного равновесия при развеске. То же стремление к художественной организации пространства экспозиции продиктовало соединение в одном зале портретов – и богослужебных сосудов, размещение мебели, оставшейся от прежней обстановки палат, – в залах, где были представлены плоские или мелкие предметы.

При устройстве древнехранилища были соединены две темы, по-видимости не связанные друг с другом, – история церковных древностей и связь Дома Романовых с Костромским краем. В одном из залов, среди вещей, не вошедших в “предметные группы”, – т. е. представленные в одном-двух экземплярах – были показаны люстра времен Павла I из Михайловского замка в Петербурге и одноколка Михаила Федоровича из Макарьева-Унженского монастыря. Реликвии Московского посольства, как и в 1909 г., были показаны рядом с иконами. Соединение двух тем в результате вызывало дополнительные смысловые ассоциации: призвание первого представителя династии из стен Ипатьевского монастыря, – и, таким образом, благословение нового царствования церковью, напоминание о покровительстве царей монастырям и храмам епархии должно было способствовать продолжению этого покровительства. Выставленные в одном из залов листы, подписанные членами царской семьи в память о посещении палат, вскоре были дополнены еще одним – через две недели после открытия древнехранилища, 19 мая 1913 г. его посетил Николай II с членами своей семьи.

С самого открытия новый музей стал доступен открыт для посещения представителей всех слоев населения, которые допускались на экспозицию летом с 12.30 до 17, а зимой с 12.30 до 15 часов. При этом было оговорено, что для экскурсантов может быть сделано исключение, “если позволят хранителю музея служебные обязанности”⁵¹. Хранителем, дававшим необходимые пояснения, оставался ризничий монастыря. Выпущенный в 1914 г. каталог был рассчитан на широкую аудиторию. Он содержал подробную информацию о каждом предмете. Были указаны размеры, датировка (если она была известна), вкладчики, приведены надписи, если таковые имелись, было дано подробное описание иконографии икон и внешнего вида вещей.

---

51 Там же.

При отсутствии документальных подтверждений принадлежности предмета определенному лицу, давалось указание “по преданию”. Например: “*по монастырскому преданию, икона эта находилась в моленной комнате юного Михаила Федоровича Романова во время пребывания его в палатах в начале 1613 года*” и т. д.

Музей просуществовал до 1919 г., когда предметы, составлявшие его собрание, были переданы в Музей местного края Костромского научного общества, что позволило в большей мере сохранить их, поскольку в годы советской власти им грозило неминуемое уничтожение в связи с массовым закрытием и разграблением церквей. Концентрация церковных древностей в древнехранилище позволила многим из них сохраниться до настоящего времени.

* * *

Создание древнехранилища стало следствием усилий многих поколений исследователей, занимавшихся изучением истории монастырей и церквей епархии, выявлением, изучением, коллекционированием церковных древностей. Это направление музейной деятельности возникло во многом благодаря преподавателям и выпускникам Костромской духовной семинарии, где в определенный период специально культивировался интерес к научным изысканиям. **Результатом** деятельности стало создание ведомственного по сути своей музея епархии, которая была осознана как коллективный собственник исторических ценностей (об этом говорят запреты на передачу храмовых предметов в чужие руки). Однако целью деятельности, главным ее мотивом, было сохранение церковных древностей, этому же была подчинена и просветительская работа общества.

Непосредственные создатели музея в большинстве своем принадлежали духовному ведомству, в большой степени обладали **корпоративным сознанием**. Многие из них имели специальное археологическое образование и богатый исследовательский опыт. Предметы музея рассматривались ими с точки зрения церковной археологии, как самоценные вещи, а не только как исторические источники. Размещение музея в одном из зданий Ипатьевского монастыря, сыгравшего важную роль в истории государства и царской семьи, внесло в экспозицию новую тему – тему связи Романовых с Костромской землей. Однако это выразилось лишь в размещении нескольких реликвий, часть которых была выявлена в результате специальных обследований церковных и монастырских собраний. Эти предметы не подтвержда-

ли реальность событий, не информировали о них, а позволяли пережить чувство причастности им.

Сохранялись и традиционные для коллекций первой половины XIX века объекты собирательства: предметы, найденные в процессе раскопок, случайные археологические и палеонтологические находки, нумизматика, церковные древности, что позволяет говорить о преемственности между протомузейным и музейным периодами музейной деятельности.

КГУАК

была создана 15 июля 1885 г. на основании положения Комитета министров “О губернских исторических архивах и губернских архивных комиссиях” от 15 апреля 1884 года⁵².

Основной задачей учредители и члены комиссии считали приведение “в известность и сохранность” письменных источников, назначенных к уничтожению, предполагая “с их помощью начертать те данные, которые до сих пор оставались в неизвестности или дошли до нас как дорогие, но смутные предания”⁵³. Эта задача была главной (и это отразилось в названии), но не единственной. Очень скоро было осознано, что специализация – это удел столиц. Там можно позволить себе заниматься только археографией, только древностями, только книгами. Поэтому, вероятно, именно в столице и родилась идея архивных комиссий.

Люди, знакомые с условиями культурной жизни провинции не понаслышке, понимали, что “*древности, встречающиеся в провинциальной глуши, очень разнообразны по своему характеру, а между тем представителей разнообразных отраслей Археологии здесь нет, оберегать древности от разрушения и расхищения некому,*” поэтому членам ученых архивных комиссий приходилось становиться универсальными деятелями, тем лицом, “*которое бы, – по словам Н.В. Покровского, – помимо архива, оберегало их, по крайней мере, до тех пор, пока не будет обращено на них внимание специалистов, гарантирующее их дальнейшую сохранность*”⁵⁴.

---

52 Покровский Н.В. Губернские ученые архивные комиссии // Вестник Археологии и Истории. СПб., 1909. С. 27–39; Шипилов А.Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия. 1885–1917 // Краеведческие записки/КИАМЗ. Ярославль, 1986. Вып. IV. С. 49–58; Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии. Н. Новгород, 1991.

53 Журнал заседания Костромской губернской ученой архивной комиссии (далее – КГУАК) 6 июля 1895 года. Кострома, 1895. С. 11.

54 Покровский Н. В. Речь о главных задачах археологического института по мысли Николая Васильевича Калачова // Русский Архив. 1891. Кн. III. С. 610.

Первоначально сохранению подлежали предметы, датированные периодом времени до 1700 г.⁵⁵ Вероятно, авторы “Записки для обозрения русских древностей”, в которой приводится этот рубеж, считали ее границей между традиционной, исконно-русской культурой, и европеизированной петровской Россией. Это издание хранилось в библиотеке КГУАК и долго оставалось едва ли не единственным руководством к изучению и обиранию предметов.

Именно с деятельностью Костромской ученой архивной комиссии связана *фиксация преданий и фотофиксация самих предметов, она* относится к концу XIX – началу XX века. По ее поручению фотографами А.Ф. Шмидтом и В.Н. Кларком была проведена съемка памятников церковной архитектуры и хранящихся в них древностей, передача которых в музей комиссии была невозможна потому, что владельцы не хотели с ними расставаться, а историческая и реликвийная ценность уже ни у кого не вызывала сомнений.

И все же основным способом пополнения собрания оставались добровольные пожертвования, поскольку суммы, выделявшиеся на приобретение вещей для музея, были слишком незначительны и не позволяли вести целенаправленное комплектование. Многократно предпринимались попытки обратиться к населению губернии с просьбами о содействии “в приискании рукописей и предметов древности, которые могут бесследно исчезнуть, бесцельно находясь в кладовых местных владельцев или быть уничтоженными, если случайно будут найдены людьми несведущими”⁵⁶. Подобные обращения исходили как от самой комиссии, так и от имени костромских губернаторов, обязательных попечителей КГУАК, были адресованы представителям разных сословий и профессий⁵⁷. Обращения сопровождалась программой сбора предметов, но результаты были малоэффективны⁵⁸. Результатом работы Комиссии было создание Романовского музея, в котором не было специального отдела церковных древностей.

1. Костромское научное общество по изучению местного края (КНО-ИМК)

---

55 См.: Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.

56 ГАКО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

57 ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–11; Костромские епархиальные ведомости. 1894. № 48. Часть офиц. Л. 55–60.

58 См.: опросные листы КГУАК: ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 35, 37 и др.

Революционные события 1917 года привели к крушению прежних норм и институтов. Создание и выработка новых в первое время шли стихийно, разные общественные силы пытались оказать воздействие на сознание масс. В этих условиях музеи, выставки стали достаточно распространенным рычагом воздействия на общественное сознание.

Идеи монархизма, способствовавшие строительству Романовского музея, были отвергнуты уже в марте 1917 года, а с приходом к власти большевиков, чья идеология была пронизана идеями атеизма, начались гонения на церковь, что привело к закрытию монастырей и ликвидации музея Церковно-исторического общества.

Но на смену им приходили музеи, которые, часто используя те же предметы, проповедовали иное к ним отношение. Именно так в 1927 году возник в стенах Ипатьевского монастыря Антирелигиозный музей⁵⁹.

2. Музей местного края.

Музей КГУАК, с прекращением деятельности комиссии, остался без хозяина. Уже в 1916г. правление КНО, узнав о бесхозном положении музея, предлагало свои услуги с целью сохранения коллекции⁶⁰. В мае 1917 г. удалось добиться постановления Губернского комитета общественной безопасности о передаче музея в собственность города с условием последующей передачи его в пользование Костромскому научному обществу с тем, чтобы содержание здания, его ремонт, отопление и охрана были отнесены на счет города.

КНО были предложены основные направления развития музея:

1. Хранить уже имеющиеся коллекции и предметы, собранные Обществом «в пределах Костромского края в целях изучения природы и населения последнего»;

2. Научное определение и систематизация предметов;

3. При посредстве коллекций «облегчить изучение Костромского края различного рода ученым и специалистам» и одновременно служить распространению научных знаний⁶¹.

---

59 Строится здание коммуны: открытие антирелигиозного музея // Северная правда. Кострома, 1927. 11 ноября.

60 ГАКО. Ф. 178. Оп. 2. Д. 20 (микрофильм). Л. 22.

61 Там же. Л. 52.

Между тем поток предметов, поступающих в Музей местного края, увеличивался с каждым днем, и связано это было с резкой сменой ценностных ориентиров, ломкой существовавших структур. В первую очередь под крышей бывшего Романовского музея попытались собрать предметы, оставшиеся от прежде существовавших музеев – церковно-исторического и земских.

Но одновременно закрывались церкви и монастыри, уничтожалось имущество усадеб, включая ценные усадебные коллекции, на глазах менялся быт города и деревни, распахивались поля, – и вместе с тем гибли археологические памятники. В.И. Смирнов и другие представители КНО входят в состав Комиссии по изъятию церковных ценностей, отстаивая наиболее ценные с точки зрения археологии предметы для музея; ими организовываются комплексные экспедиции по изучению традиционного быта деревни, археологические разведки и раскопки.

Почти без изменений были восстановлены экспозиции церковно-исторического музея, соответствующие поступления образовали оружейный и художественный отделы. Однако постепенно, к середине 1920-х гг., экспозиция все более приближается к принятым в музейной теории того времени стандартам, налаживается ведение учетной документации (книги поступлений, инвентарные книги отделов, карточный каталог).

С 1925 г. проводится серия чисток, обследование музея специальной созданной комиссией, в которую входили члены партии и «добровольцы» из числа беспартийных. Под предлогом смены приоритетов – *«Музей как таковой должен носить формы просветительного учреждения, а не типа старого музея»*⁶² - на деле превращение музея в орган политического пропаганды, подчинение его политическим догмам.

В этой ситуации заведующим отделом народного образования Костромского округа назначается Н. С. Бельцов – выпускник Московского университета, член ВКП(б), бывший политработник. *«Я поставил целью освежить КНО и музей»*, — напишет он в показаниях ОГПУ (Д. 4323-С, Л. 197, об.). Основные претензии Бельцова также носили прежде всего политический характер: социальный состав сотрудников КНО и связанного с обществом музея (*«дети помещиков, попов и т.д.»*), оторванность работы «от жизни», структура музейной экспозиции, игнорирующая достижения современности: *«Существовал целый церковный отдел, Костромская гу-*

*берния была налицо, а Костромской] округ отсутствовал [...] (Д. 4323-С, Л. 197, 198. «Губерния» — выделено Бельцовым. —Л.С.) И. П. Пауль и Ф.А. Рязановский были уволены из музея «по сокращению штатов»*⁶³.

Началось распыление собранных поколениями краеведов и музейных работников предметов⁶⁴. Уничтожалось все, по мнению новой администрации “идеологически вредное”, - иконы, живопись религиозной и монархической тематики и др. Археологические предметы были определены как “разного рода ненужный хлам”, “всякого рода чепуха и рухлядь”⁶⁵. Экспозиции полностью были подчинены марксистской концепции М.Н. Покровского, а затем “Краткому курсу истории ВКПб”.

Выставки стали строить по специально разработанным единым для всей страны планам, которые рассылались из Москвы, из Института методов музейной и краеведческой работы. С уничтожением всякой возможности краеведческих исследований музей превратился в иллюстрацию к школьному учебнику, часть предметов сохранялась в фондах, но утрачивалась или сознательно уничтожалась всякая информация о каждом из них. Только в 1960-е годы начались работы по их атрибуции, которые возвращали музейные предметы в культурный обиход, раскрывая логику их создания и бытования, то есть служили распрямлению их.

---

63 ГАКО. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 24. Л. 13, об.

64 ГАКО. Ф. Р-838. Оп. 3^а. Д. 17. Л. 48, 73; Оп. 3. Д. 21. Л. 30 и др.

65 ГАНИ КО. Ф. 3656. Оп. 2. Д. 4323. С. Л. 226, об.